

Новгородцы любят свой областной театр драмы. Такие его спектакли, как «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского (режиссер А. Н. Кармилов), нашли путь к сердцу нашего зрителя. Величественные эпические образы героев гражданской войны, самоотверженно боровшихся за дело революции, за бессмертные идеи коммунизма, волнуют советских людей и сейчас. Безошибочно устанавливается контакт между зрителем и актерами. Коллектив театра сумел передать суровый трагизм бессмертных лет революции, сумел пробудить скорбь по безвременно ушедшим героям. И вместе с тем спектакль рождает оптимизм и безграничную веру в могучие силы советских людей, преодолевших все трудности и испытания.

Другие пьесы современных советских авторов, поставленные театром, помогают разобраться в проблемах сегодняшнего дня, увидеть отдельные недостатки нашей действительности, трудности, стоящие перед нами. Такие спектакли, как «Персональное дело» А. Штейна или «В добрый час» В. Розова, дают возможность еще раз оценить силы народа, силы честных тружеников, выходящих победителями из борьбы с мелкими личностями, которые ужами вползают в новую жизнь и пытаются в наши дни жить по эгоистическим законам прошлого.

В репертуар театра включены и такие пьесы, как «Мораль пани Дульской» польской писательницы Г. Запольской. Эта пьеса способствует разоблачению растленной буржуазной морали, губительного влияния денег на семейные отношения в капиталистическом обществе. Режиссер спектакля Н. В. Витарский провел основательную работу, чтобы донести эту идею до зрителя.

Но дирекция и художественный совет театра явно ошибочно включили в репертуар такую пьесу, как «Телефонный звонок» Ф. Нотта.

Правильным ли был этот выбор? Скажем прямо: нет, неправильным! В данном случае мы имеем дело с досадным просчетом руководства театра, не сумевшего разобраться в сущности пьесы и оценить эту вредную вещь по достоинству.

Спрашивается, имеет ли эта пьеса какой-либо разоблачительный или воспитывающий смысл? Может быть, она помогает раскрыть аморальность буржуазного английского общества? Может быть, разоблачается классовый характер английского суда? Ни в коем случае. Недаром известный прогрессивный английский писатель Д. Линдсей называет «творение» Ф. Нотта «пьесой двадцатого сорта». Проблемы, поставленные Ф. Ноттом, глубоко чужды нашему обществу. Убийство ради наследства, брак, построенный на расчете, пренырливые сыщики из частных контор — все эти уродливые явления давно исчезли из нашей действительности. Так называемый положительный герой — ловкий сыщик — не вносит в пьесу ничего подлинно положительного. Это обычная стандартная фигура детektива-автомата, являющаяся для того, чтобы разрубить все спутанные узлы и, как по велению свыше, заставить воцариться буржуазную справедливость.

Автор подходит к своей теме абстрактно, объективистски и пытается вызвать недоверие к людям вообще, отказываясь от дифференциации преступлений, замазывая классовые противоречия и скрывая сущность проблемы преступности в капиталистическом обществе.

В этом и заключается важнейший идейный порок пьесы, которая может научить не оставлять на месте преступления отпечатков пальцев, но не может вызвать священной ненависти к миру насилия и эксплуатации, может пробудить нездоровое любопытство, но не может воспитывать зрителя.

Может быть, несмотря на идейную порочность, пьеса отличается тонкостью психологических характеристик, глубиной проникновения в характеры героев? Снова нет! Секрет продукции подобного рода заключается как раз в обратном: там нет человеческих характеров. Автором сработаны ничем не примечательные носковые фигуры действующих лиц.

Не блеснул ли Ф. Нотт остроумным, крепко сколоченным сюжетом, заставляющим простить хотя бы некоторые недостатки его произведения? И на

этот раз нет! Раскрытие преступления ни сюжетно, ни психологически не мотивировано автором. Все дело в удивительной, ничем не оправданной интуиции, догадливости сыщика, неожиданно проникшего в «нутро» злодея.

Все эти выводы заставляют нас еще раз спросить: так что же является причиной появления продукция Ф. Нотта на новгородской сцене? Следует сказать, что режиссер спектакля и весь коллектив артистов много поработали над тем, чтобы вдохнуть жизнь в этот безнадежно мертвый материал. В режиссерском подходе к спектаклю чувствуется и благое намерение высмелить сам жанр дурного детektива.

Эти попытки, однако, не удалась — не удалась потому, что наиболее удачной формой трактовки пьесы был бы простой отказ от ее постановки.

Значительная часть упреков к пьесе «Телефонный звонок» может быть отнесена и к пьесе Ж. П. Сартра «Лиззи», автор которой использует острую и важную тему расовой дискриминации в США для обыгрывания эротических и детективных сцен, а совсем не для того, чтобы показать действительную жизнь американских негров и произвол современных расистов.

Неудача с порочной пьесой Ф. Нотта не должна помешать руководству театра больше знакомить новгородцев с лучшими прогрессивными произведениями зарубежных драматургов. Думается, что руководству театра следовало бы поддерживать более тесный контакт со зрителем, чаще спрашивать у него о том, какие пьесы он желал бы увидеть на сцене, укреплять и расширять связь с коллективами предприятий города и области.

В настоящее время театр подготовил и уже показал зрителям гор. Боровичи новый спектакль — «Комедию ошибок» Шекспира. Нет сомнения в том, что выбор на этот раз сделан правильно. В портфеле театра есть хорошие пьесы советских и иностранных авторов.

Зритель ждет новых спектаклей, он ждет и большей требовательности театра к своему репертуару.

Ю. ПЕТРОВСКИЙ.